

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398.88

С. С. Донченко

ЛАЛОН ФОКИР И ЕГО ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Фольклор является одним из ключей к пониманию культуры. Важность его изучения трудно переоценить. Сказки, пословицы, детские считалки — существует множество видов и форм устного народного творчества. Огромной популярностью пользуются песни. В Бенгалии (как на территории современной Индии, так и в соседней Бангладеш) большой любовью пользуются песни баулов.

Дать однозначный ответ на вопрос, кто такие баулы, нелегко. С одной стороны, это адепты определенных практик эзотерического характера, не согласующихся со взглядами большинства представителей традиционного индийского общества. С другой — под термином «баулы» часто понимаются исполнители определенного вида песен — так называемые *баул-ган* (бенг. «песня баула»). Расшифровать и осмыслить значение этого термина с точки зрения этимологии также затруднительно, так как не существует единого мнения относительно его происхождения [1, р. 249; 2, р. 74; 3, р. 78]. По-видимому, наиболее приемлемо следующее широкое определение: баулы — это люди, занимающиеся некими эзотерическими практиками, в силу которых они исключены из традиционного религиозного социума. Их духовные поиски находят выражение в песнях. Очевидно, что тексты этих песен представляют большую ценность, так как это единственный для баулов способ рассказать о своих переживаниях и об окружающей реальности, воспринимаемой ими через призму эзотерических практик.

Относительно датировки появления баулов так же нет единого мнения. Упомянем лишь тот факт, что впервые слово *баул* встречается в произведениях средневековой бенгальской литературы XV–XVII вв. — «*Шрикришнобиджой*» («Победа Шри Кришны») Маладхора Бошу и «*Шричойтонночоритамрито*» («Нектар деяний Чайтаньи») Кришнадаша Кобираджа и др.

Что же представляют собой идеи баулов? Выдающийся бенгальский литературовед А. Бондопаддхай, основываясь на текстах песен баулов, предлагает свое видение этого вопроса [1, р. 250]. По его мнению, ключевым понятием в представлениях баулов является непознанная сущность, которая находится в теле человека. В песнях употребля-

ется довольно большое количество иносказаний, обозначающих ее: «человек сердца», «непознанная птица», «непознанная луна». Если человек обнаружит эту сущность и постигнет ее при жизни, то его ждет единение с Всевышним.

Идеи баулов формировались на основе нескольких источников — тантрического буддизма, вишнуизма, суфизма, йоги. Все это отразилось и в их песнях, которые отрицают различия между носителями разных религий.

О популярности отдельных носителей этой традиции можно судить по количеству их песен, дошедших до наших дней. Естественно, необходимо принимать во внимание тот факт, что популярность того или иного произведения может изменяться с ходом времени и в зависимости от региона. Однако существуют несколько авторов песен, чье творчество на протяжении нескольких веков неизменно вызывало и вызывает отклик в сердцах людей. Самым ярким из них по праву считается человек, широко известный в Бенгалии под именем Лалон Фокир.

Про него ходит множество легенд. Считается, что он родился в 1774 г. (или 1775 г.) в округе Куштия (дистрикт Надия, на территории современной Бангладеш; в качестве места рождения приводятся деревни Чапра [4, р. 12], Бхарра [5, р. 50]). Его отца звали Мадхоб Кор, семья принадлежала к брахманской подкасте *каятха*. Лалон Кор не умел читать и писать, однако со слуха приобрел обширные сведения, касающиеся религии и философии, о чем можно судить по его песням.

После ранней свадьбы Лалон отправился в путешествие, чтобы совершить омовение в священных водах Ганга. На обратном пути он серьезно заболел оспой. Болезнь быстро прогрессировала, силы покидали Лалона, он терял сознание. И однажды сопровождавшие родственники и знакомые, решив, что больной скончался, совершили поминальный обряд и оставили умиравшего Лалона на берегу реки.

По счастливому стечению обстоятельств случилось так, что еще живого Лалона заметили — его стон привлек внимание проходивших мимо мусульманского факира по имени Сирадж и его жены. Они пожалели Лалона, принесли его к себе и выносили. Относились к нему как к сыну — собственных детей у них не было. Вскоре после выздоровления Лалон принял от Сираджа Шаи веру факиров (или баулов [5, р. 51]). Спаситель, а впоследствии и гуру Лалона был истинным дервишем — человеком, искушенным в эзотерическом знании и практиках. Считая, что между индуизмом и исламом нет существенной разницы, он совершал паломничества в места, священные для обеих религий. У Сираджа уже были ученики, одним из них стал и Лалон. Постепенно он овладевал искусством сочинения песен, премудростями тайных практик.

Однажды Лалон решил навестить свою прежнюю семью и отправился в родные края (в то время он с учителем жил в деревне Хоришпур). Традиционное индуистское общество, к которому относились и члены его семьи, отказалось принять его. Тогда он предложил своей жене последовать с ним, но и она ответила отказом. Лалон вернулся к своему наставнику в одиночестве.

После смерти Сираджа Шаи Лалон, которому было уже под пятьдесят, решил обосноваться в местечке Шеурия. Через некоторое время он влюбился в замужнюю мусульманку. Она ответила ему взаимностью, а затем тайно бежала к нему из своей семьи. Они стали жить вместе. Постепенно у Лалона Шаи начали появляться собственные ученики. Последователи называли Лалона «Лалон Шаи» (от санскр. *свамин* — муж, почтенный, уважаемый), а также «Лалон Фокир», как имя собственное (сам же он во многих песнях именуется «*фокир Лалон*»). Он много путешествовал — у него были последователи

даже за пределами округа Куштия. Отношение к нему было разным в различных областях. Там, где исторически жило большое количество факиров, дервишей и баулов, Лалона принимали радушно. В других же местах, где жили ортодоксальные индусы и мусульмане, его не принимали ни те ни другие, относились неуважительно и с презрением. Лалон прекратил свои бесконечные путешествия, когда его возраст приближался к ста годам. Популярный в той области певец, последователь Лалона факир Кходабокшо Шах говорил, что взгляд единственного глаза пожилого Лалона Фокира (второй он потерял во время роковой болезни) пронизывал насквозь — такова была его внутренняя сила. В 1890 или 1891 г. в возрасте ста шестнадцати лет Лалон Шаи скончался.

После Лалона Фокира осталось обширное песенное наследие. Так как сам он не умел писать, его песни записывали его ученики.

Рассмотрим одну из песен Лалона Шаи [6, р. 576] (здесь и далее переводы принадлежат автору статьи).

В этом человеке есть тот человек.
Четыре юги мудрецы и подвижники искали его везде!

Как Луна виднеется в воде,
Но никому не дается в руки,
Так и он вечно пребывает
В первозданном свете.

В неизвестной стороне его жилище:
В двухлепестковом лотосе его дворец.
Кто поймет, куда направиться,
Увидит его без труда.

До чего ж я заблуждался, о разум,
На улице искал богатство, что лежит в доме.
Дервиш Сирадж Шаи говорит: так и будешь блуждать, Лалон,
Пока не познаешь себя.

Приведенная песня состоит из четырех строф. Однако надо учесть, что порядок живого исполнения несколько отличается от письменного текста. Как указывает отецственный музыковед Т. Е. Морозова, для песен баулов «характерной чертой является циклическое повторение как мелодического, так и поэтического материала» [7, с. 123]. Иными словами, первая строфа (в музыкальной терминологии — *стхаи*, «постоянная») является заглавной, она заключает в себе идею песни. Певец возвращается к ней после исполнения каждой из последующих строф (*антара*, «внутренняя», — первая *антара*, вторая *антара* и т. д.). В бенгальском тексте зарифмованы последние строки всех строф — таким образом, *стхаи* рифмуется со всеми *антарами*. Три остальные строки каждой строфы могут рифмоваться между собой. Такая схема построения весьма характерна для песен Лалона Фокира, хотя и не является универсальной.

Композицию песни можно условно разделить на три части. В *стхаи* задается ключевая идея песни. В данном случае утверждается существование некой сущности внутри человека. Вероятно, речь идет о божественном начале. Познание этой сущности является заветным желанием многих мудрецов, которые ищут ее бесконечно долго (*юга* — единица исчисления времени в мифологической хронологии. В данном случае — очень большой промежуток времени).

Далее языком эзотерических иносказаний Лалон рассказывает о том месте, где следует искать «внутреннего человека»: он пребывает в «первозданном свете» (здесь бенг. *алек*, иногда *алекх*, *алекх нур*, иногда само по себе это выражение выступает синонимом для «человека сердца»). Вероятно, имеется в виду свет, исходящий из двухлепестковой аджня-чакры.

В последней строфе, как правило, заключен итог предшествующих размышлений. Часто в ней иными словами повторяется заглавная идея песни. Два первых стиха последней строфы содержат распространенный мотив песен баулов — бесплодный поиск на улице некоего богатства, которое в действительности находится в доме. Этот мотив постулирует тщетность поисков божественной сущности вне человеческого тела: баулы считают, что именно в нем надо искать «внутреннего человека».

Две заключительные строки последней строфы — так называемая *бхонита* (санскр. *бханита* — «сказанное», «произнесенное» — от корня *бхан*, «говорить») — своего рода «подпись» автора, инкорпорированная в текст произведения. В данном случае она содержит указание не только на автора, но и на его наставника: *гурубад* (санскр. *гурувада*, т. е. провозглашение важности духовного наставника, гуру) является очень важным элементом, характерным не только для песен Лалона Фокира, но и для творчества других баулов. Часто в песнях баулов терминология, связанная с наставником, понимается двояко. С одной стороны, слова *шаи*, *гуру* и ряд других могут относиться к духовному наставнику, обучающему адепта тонкостям практик. В то же время они могут обозначать женщину-партнера (бенг. *шебадаши* — «служанка»), с которой баул занимается парными практиками. И это вполне объяснимо и закономерно, ибо без женщины баул не может достичь успеха. Во многих песнях гуру называется кормчим, перевозящим на другой берег (напр., у Лалона «*опарер кандари гуру*» [8, р. 54] и др.). Иногда довольно трудно определить, какого же именно гуру имеет в виду автор, однако в любом случае выражается почтение и уважение по отношению к нему. У Лалона Фокира [8, р. 53] мы встречаем такой отрывок:

Тот, чей разум будет смирен у стоп гуру,
Обойдет весь мир,
Бесценные сокровища попадут к нему в руки.

В песнях в полной мере раскрываются взгляды Лалона Шаи на разделение по религиозному (*дхормо*) и родовому (*джат*) признаку. Он никогда не признавал подобных различий — баулами становились как индусы, так и мусульмане разного социального положения. Во многих песнях Лалон открыто утверждает эту точку зрения. Приведем два отрывка [6, р. 121; 8, р. 15]:

Лишь дверями бхакти ограничен *Шаи*.
Индусом или чужаком-яваном назовешься —
Для него не существует различий.

Все люди спрашивают, из какого рода Лалон в мире.
Лалон отвечает: как выглядит род? — в глаза не видел!
Обрезанный — значит, мусульманин.
А у мусульманки какой признак?
Брахмана узнают по нательному шнуру,
А брахманку как я узнаю?
У кого гирлянда, у кого четки на шее —

Что ж, по этому признаку и род определяют?
Но при рождении и при смерти
У кого есть признаки рода?

Песни Лалона Фокира обнаруживают богатую образность и символику. Выразительность песни усиливается широким спектром используемой лексики.

Одним из самых распространенных образов является уже упоминавшийся «человек сердца» — *монер мануш*. Существует множество синонимов этого выражения, каждый из них предполагает определенные мотивы, окружение, в котором этот образ используется. Например, синонимичный ему образ «непознанной птички» (*очин пакхи*) используется вместе с такой характерной деталью, как клетка, в которую эта птичка проникает и которую покидает независимо от воли человека. Вероятно, имеется в виду мимолетное осознание adeptом божественного начала в самом себе. Данному образу параллелен образ рыбы (*мин*), которую необходимо поймать во время наводнения.

Кроме поэтической внешней стороны, т. е. формы, многие образы песен баулов (и Лалона, в частности) имеют глубокое содержание, связанное с тайными эзотерическими практиками — иными словами, они представляют собой элементы кодового языка, достоверно расшифровать который способен лишь человек, хорошо знакомый с тонкостями этих практик. Это в значительной мере усложняет задачу исследователя, поскольку понимание такого рода песен предполагает выявление максимально широкого спектра значений всех выражений. Например, вышеупомянутое выражение «человек сердца» (*монер мануш*) помимо всего прочего может использоваться для обозначения привлекательного, «подходящего» человека, будь то мужчина или женщина [3, р. 37].

При жизни Лалон Фокир пользовался широкой популярностью среди своих единомышленников. Песни баулов оказали значительное влияние на бенгальскую литературу нового времени. Их идеи были переработаны и получили новое, авторское воплощение в профессиональной литературе. Творчество Лалона Фокира явилось источником вдохновения для таких поэтов, как Б. Чокроборти и Р. Тагор. Во многих песнях Р. Тагора за основу взяты мелодии песен баулов — особенно в его поэтическом цикле «*Свадеши*» («Независимость»). В наши дни, по прошествии более ста лет после смерти Лалона, его песни популярны среди широких слоев населения как в преимущественно индуистской Западной Бенгалии, так и в мусульманской Бангладеш.

Литература

1. *Bondopaddhyay A.* Bangla sahitter sompurno itibritto. Kolkata, 2005. 640 p.
2. *Mansuruddin M.* Haramoni. Vol. 2. Dhaka, 1972. 343 p.
3. *Openshaw J.* Seeking Bauls of Bengal. Cambridge University Press, 2004, 291 p.
4. *Pal B.* Fokir Lalon Sai. Lalon shorok grontho. Dishototomo jommobarshiki (Lalon Memorial: Bicentenary (1774–1974) Volume / Ed. A. A. Chowdhury. 1974. 16 p.
5. *Bhattacharya U.* Fokir Lalon Shah. Lalon shorok grontho. Dishototomo jommobarshiki (Lalon Memorial: Bicentenary (1774–1974) Volume / Ed. A. A. Chowdhury. 1974. 10 p.
6. *Bhattacharya U.* Banglar baul o baul gan. Calcutta, 1958. 1159 p.
7. *Морозова Т. Е.* Некоторые черты жанровой специфики бенгальских локшонгит // Народное творчество стран Востока: Структура, художественные особенности, дефиниции / Ред. и сост. П. Р. Гамзатова. М., 2007. С. 21.
8. *Banglar priyo Lalon giti.* Samp. Hamidul Islam. Dhaka, 1989. 156 p.